

Молодость

ОРГАН СОВЕТА

ОМСКОГО ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДИНИСТИТУТА имени А. М. ГОРЬКОГО

Газета
основана
1 января 1965 г.

№ 10 (1006)
четверг
16
мая
1991 г.

16 мая 1991 г.

Цена 5 коп.

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВСЕМ КОМСОМОЛЬЦАМ!

В комсомольской организации института крайне сложное положение: развалился и не работает комитет ВАКСМ; комсомольцы апатичны ко всему происходящему; не принимают ничего «сверху», но и своих действий у них нет; сложная финансовая ситуация. В связи с этим комитет ВАКСМ объявляет переходный период до 22 мая 1991 года. Комсомольцы, у вас остается последний шанс определиться, реально посмотреть на свое отношение к комсомолу.

22 мая в 12 часов для студентов II смены и в 15 часов для I смены в актовом зале главного корпуса состоится собрание комсомольцев, определившихся «за» организацию.

Только своим присутствием вы подтверждаете желание быть членом ВАКСМ.

В случае подтверждения необходимости комсомольской организации будут совместно определены цели, задачи, план работы, а также структуры взаимодействия организации.

Если же такого не произойдет, то комитет ВАКСМ пединститута сложит свои полномочия и объявит о роспуске комсомольской организации.

Комитет ВАКСМ ОГПИ им. Горького.

«Агидель» — омские скауты

Сегодня на фоне различного детского и юношеского движения выступает особенно четко скаутинг — система воспитания, оправдавшая себя более чем в 130 странах мира.

Скаутинг в России появился впервые в 1909 году, но к 1926 в стране фактически не осталось ни одного отряда — сквозь детство стройными рядами и колоннами пошли пионеры.

Пионеры очень многое заимствовали у скаутов: их девиз, атрибуты, формы и методы организации движения, приурочив все это четкой идеологической концепцией. Пролетарские дети, по сути, отняли у скаутов (экспроприровали, как это делалось в те годы) их движение. А за годы существования и свое развалили, довели до абсурда, оставив на память лишь красивые галстуки.

Самое удивительное в этой ситуации то, что скаутинг в России существовать не перестал. Многочисленные детские объединения жили и работали по этой системе, сами того не зная — информации о скаутинге у них не было, а если и была, то основательно «подредактированная».

Так и омский внешкольный театральный коллектив «Клуб джентльменов» под руководством Аркадия Никитченко (тогда — председателя городского совета пионерской организации) и не предполагая, в ноябре 1987 года переживая в агиттеатр «Агидель», что стано-

вится первым скаутским отрядом в нашем городе.

Как записано в его Уставе, «Агидель» — добровольный союз мальчишек и девчонок... является структурной единицей детского центра «Союз-90» и стремится влиться в организованное не политическое, воспитательное скаутское движение России.

Ребята сняли пионерские галстуки неожиданно, но неуклонно. В марте 1990 года на встрече неформальных детских отрядов Омска «Агидель» выделялся своей самостоятельностью, трезвостью суждений. Даже тот факт, что на этой встрече ребята были без своего руководителя, но «дали фору» остальным коллективам, говорит о развитии самоуправления в отряде. А после съезда, учредившего Ассоциацию возрождения Российского скаутства, «Агидель» надел синие галстуки.

Впереди у отряда — целая жизнь. Устроиться в ней, найти свое место в обществе, стать полезным людям поможет ребятам их объединение. Может быть, найдут еще своих единомышленников в Омске. Друзья в других городах Сибири у отряда уже есть — в январе этого года их подруги лагеря под Томском «Сибирское Рождество», давший название Содружеству детских объединений Сибири. Летом «Агидель» вновь встретится с друзьями в скаутском лагере «Форт».

Л. ЗАВЬЯЛОВА.

Не сдать мне сессии, подумать надо б прежде,
Бесплодна ты, мечта моя.
«Надейся, друг», — сказали мне друзья.
Но есть ли смысл довериться надежде?
Ведь вовсе ничего не знаю я!
Что мне теперь мое былое счастье?
Я с каждым днем худее и бледней,
И на экзамене несвязный ход речей
Взвонит ль оцента к соучастью,
Желанному больной душе моей?
Он на меня посмотрит с беспристрастием,
Что мне уара молчи страшней.
И я паду в бесчувственном забвенье,
Тяжелых дум и смертной муки полн,
Исчезну на заочном отделеенье,
Как малый парусник среди свирепых волн.
О страшный рок!
Прими же жертву эту
Страдальца бедного, студента и поэта!

ВЕРА РОЖКОВА, 21 фил.
(в подражание Е. Баратынскому).

● НАШИ СТУДЕНТЫ

Знакомьтесь: Татьяна Свайкина, I курс математического факультета. С первого взгляда даже и не скажешь, что в этой доброй, нежной, хрупкой девушке заложен огромный потенциал энергии, трудолюбия, заботливости и способности привлечь к себе окружающих.

Первый курс, первый семестр, начало учебного года. Как тяжело вчерашним ученикам привыкнуть к новым людям, к новой обстановке, к новому студенческому дому. В эти нелегкие дни Татьяна сумела поддержать ребят в группе, зажег огонь коллективизма и сплочения.

Но вот и прощел первый в жизни семестр, сложный и интересный. Наступила первая сессия. Но и в эти трудные дни Татьяна не растерялась, не впала в панику, она всеми силами старалась успокоить ребят, вложить в них частичку оптимизма и веселости. Всячески старалась ободрить их своей решимостью и, как казалось, беззаботностью.

А впереди еще много-много дней смеха и печали, радости и горя. Так дай Бог тебе, Татьяна, не терять своего огонька!

От шелкопера: Несмотря на большую загруженность предметами, Татьяна посещает секцию легкой атлетики, выступает на соревнованиях за институт. Все это не мешает ей быть активной в общественной жизни, она профгорг своей группы и все довольны ее работой, даже я, заместитель профгорма факультета, в чем и подписываюсь.

Г. МОРАВЦЕВ.

А у нас в читалке...

Вот наконец-то и кончились эти 3 пары! Пойти поболтать что ли? Решительным шагом отправляюсь в читальный зал! Вижу знакомый затылок и двигаю к нему:

— Ну, как успехи?
— На меня поднимаются переполненные ненавистью глаза. Невольно начинаю моргать.

— А, это ты, — доходит до Светки, и на ее измученном лице появляется нагнутая улыбка. Откладывает книги и все внимание обращено ко мне.

— Слушай, ты что такая сердитая, как будто в нашей столовой обзвела? — пытаюсь пошутить я.

— Не угадала. Просто, в отличие от тебя, я сижу здесь целый час и пытаюсь пригласить к следующему семинару, но мне мешают.

— Кто? — удивляюсь я.

— Все почти. У меня такое ощущение, что это не учебное помещение, а базарная площадь, на которой обсуждаются все проблемы человечества: от личных до общественных. Я даже не понимаю то, что конспектирую, делаю это чисто автоматически. Знаешь, меня от злости уже подкидывает и левый глаз дергается!

— А ты возмущись, скажи, чтобы общались потише!

— Спасибо за совет, тут одна уже пыталась сделать замечание, ее так «раскатали», что она дара речи лишилась. Она о себе столько узнала, о чем раньше и не предполагала! Так что сиди и не высовывайся, тогда доживешь до семинара.

Тут на пороге появляется верзила, лет эдак 20-ти. Ничего себе! У нас, оказывается, такие красавцы водятся!

Но тут он открывает рот:

— Лех, ты где там? Заснул что ли? Пошли покурим или в столовку сходим. Чё ты в этом «курятнике» забыл?

— Иду! — доносится с самого последнего ряда.

Писавшие отрываются от работы и пытаются испепелить красавца взглядом. Но не тут-то было! Оказавшись в центре внимания, он продолжает еще громче...

— Да уж! — вздыхают я.

— Это чучело, — говорит со злостью Светка, — уже пятый раз за полчаса здесь концерты дает! Не могу больше, не буду готовиться!

Она ловко укладывает тетрадки и исчезает.

Оглядываясь. Но наших, кажется, больше нет.

— Марш, гребни сюда, — раздается слева знакомый голос. Это Таня, она из другой группы.

— Как настроение? — интересно я, подойдя к ней.

— Отличное! У меня везучий день! Представляешь, перехватила книгу, которая здесь в единственном экземпляре! Я пишу, а мне все завидуют!

— Да, с книгами проблема, если даже хочешь подготовиться, все равно не сможешь — книг нет. Вывод: готовиться вообще не надо!

Тут я замечаю, что у Танюшного соседа начинают по очереди дергаться оба глаза.

«Мне поре, — думаю я, — и чем скорее, тем лучше».

— Тань, извини, я опаздываю!

— Ну тогда давай, — говорит она, зарывшись снова в свою бесценную книгу. Направляясь к выходу, наткнулась на уже знакомого вам верзила, который кричит в зал:

— Товарищи читалочки!

Когда у вас обеденный перерыв? Ведь на одной духовной пище долго не протянешь!

Но попытка обратить на себя внимание не удается, слишком наделан он всем частыми своими появлениями.

Приходил бы пореже! М. ГИЛЬДЕНБЕРГ,

1 курс, филфак, слушатель журналистики на ФДП.

Это сладкое СЛОВО

«свобода»

Мы уже проучились достаточно времени для того, чтобы составить впечатление о своем институте. Мой собеседник — студент I курса филологического факультета Владимир Михайлов.

— Владимир, идет уже второй семестр. Какие впечатления у тебя от института?

— Наш институт не хуже других педагогических институтов в Союзе.

— Как ты оцениваешь положение нашей школы и системы образования в целом?

— Наша школа большая, как и все мы. Нужно изменить методику подготовки кадров для школы — это во-первых. Во-вторых, больше дать свободы учителю.

Институты должны взять инициативу в свои руки. Если они этого не сделают, то возникнут параллельные структуры подготовки учителей. Разумеется, коммерческие. И неизвестно еще, какой вклад они внесут.

И такие структуры уже создаются.

— Среди преподавателей бытует мнение о том, что в последнее время подготовка студентов оставляет желать лучшего. Многие относят это к обычной студенческой лени. Что по этому поводу думаешь ты?

— Это слишком упрощенный и неверный подход. Я общался со многими студентами нашего курса и могу уверенно сказать: дело не в лени. Лени не бывает довольно стабильной: она сегодня есть, а завтра ее нет. Все дело в том, что почти у всех сейчас внутренняя опустошен-

ность, стихия мыслей, отсутствие нравственного ориентира. Нынешний студент напоминает мне белку в колесе, которая куда-то мчится по замкнутому кругу. Не знаю, как у других, а у меня этот замкнутый круг вызывает чувство жалости и горечи.

— Владимир, судя по всему, ты мрачный pessimist. А почему ты пошел именно на филофак и не жалеешь ли об этом?

— Нет, не жалею. У каждого человека свое место в этом мире. Однажды я понял, что мое место здесь.

Затем судьба подарила мне встречу с замечательным человеком, который сыграл в моем выборе главную роль. Этот человек указал мне нравственный ориентир, которого не хватало многим моим сокурсникам.

У меня есть цель. Учитель-словесник должен вернуть культуру и покой в души своих воспитанников. Мировая литература и русская в особенности, — вот источник всего человеческого опыта, всего человеческого знания. Во все времена люди утоляли жажду из этого источника. Должны испытать из этого источника и мы.

— И последний вопрос: есть ли у тебя конкретные предложения по улучшению подготовки студентов?

— Да, есть. Но они осуществимы лишь в том случае, если институт возьмет инициативу в свои руки и даст большую свободу своим сотрудникам и студентам. Пока видны лишь робкие попытки.

— Спасибо за беседу. С. МИХНЕВИЧ, филофак, 13 группа.

«Орленок» — это интересные люди

Когда они вернулись в Омск после недельной поездки во Всесоюзный пионерский лагерь «Орленок», друзья намекали на то, что с ними явно что-то случилось, ну вроде «сдвига по фазе». И они этого не отрицали. Ну сами подумайте: за 7 дней — столько встреч, впечатлений, разговоров, новой информации... Кто же выдержит?

— В институте за полтора года мы столько не узнали полезного для себя, сколько там за семь дней. — Нам читали такие лекции: к примеру, о различиях в воспитательных системах Макаренко, Сухомлинского, Шаталова. В институте мы изучаем эти системы каждую в отдельности, но не знаем, чем они

отличаются друг от друга. — Была хорошая лекция по сексологии.

— Был песенный час, где мы пели все вместе новые песни.

— Был игровой час. Теперь в эти игры мы можем играть с детьми, в том же пионерском лагере.

— Целью дня у нас был посвящен общению с психологами. Мы учились в них лучше понимать себя и детей. Учили нас делать педагогический анализ. Ведь из любой трудной ситуации можно найти достойный выход, надо только уметь это делать.

— Нас там учили всему тому, что сами они умеют делать.

Конечно, моему журналистскому перу не по си-

лам описать все, что увидели, услышали и чему научились мои собеседники. Главное, им там все пришлось по душе, за исключением, наверное, холодной погоды.

А в заключение хочется сказать, что судьба их занесла в «Орленок» не случайно, все они — члены экспериментальной педагогической группы, которая в будущем должна создать педагогический коллектив школы МЖК. А сегодня, сегодня будущие учителя будущей школы набираются теоретического и практического опыта в поисках своего пути, своей школы.

Г. КОРЕНЕВА.

На снимках: школа в «Орленке», групповой снимок на память об «Орленке».

Найди милосердие в сердце своем...

Вы не замечали, что старые люди не плачут от обид, и лишь при воспоминании о прошлом, скользя, спрячется в морщинах светлая капелка?! Безмолвные слезы эти торопятся исчезнуть, дабы не потревожить наших, таким трудом выпестованных систем своей неуместностью.

Мы строим свою жизнь по-новому. Бунтуем, вырываясь за рамки общепринятого. Приоритет общечеловеческих ценностей — вот наш излюбленный пункт. Гармония — вот настоящая цель жизни.

И мы совершенствуем тело и дух, закаляем волю. Можем неделю не есть и спать стоя, покончить с комплексами и постичь тайны неба. Но нет тайны глубже и большей, чем тайна

животности, приходится застегнуть пуговицы на пальто, чтобы сходиться за молоком для своей большой семьи. Ее ударил плечом мальчик, догонявший уходящий автобус, и она, упав, сломала руку. Гипс сняла через неделю сама — неудобно носить бетон. И я застегиваю пуговицы и улыбаюсь, почти счастливая от того, что скоро лето.

Старые люди никогда не обвиняют нас, а наставления и упреки в адрес «молодежи» — это скорее просьба не сбрасывать их со счетов, помнить, что они есть, рядом с нами, ведь невыносимо постоянно быть обузой. А в условиях нашей жизни они вынуждены оправадываться даже за то, что... они еще живы.

мудрость. Это гармония, к которой нам дано привыкнуть, как к живительному источнику. Пройдя дорогу, на которую мы только вступаем, старые люди преисполнены светом и теплом. Мы нужны им, чтобы верить в нас и отдавать, а нам так нужно, чтобы в нас верили и нас любили. Так почему мы проходим мимо?

Когда я училась в 3-м медицинском училище, мы постоянно вязали какие-то носочки и варежки, собирали деньги за поощрений, игрушки. Потом устраивали сладкую ярмарку, и цветной автобус, полный мишек, кукол и тортов, отправлялся в подшефный детский дом. Существовала группа «Милосердие», где каждый брал под свою опеку 2-3 пожилых человека. Я сама мало

эти светлых слез.

Мы стремимся везде успеть, ухватить как можно больше, и любые советы, как досадные помехи, раздражают. Тем более надоедают стариковские проповеди непротивления, это мерное шуршание под скрип таких же допотопных часов. Да и что могут они нам посоветовать: терпеть и верить? Верить и терпеть? Вот пусть сами и терпят, коль такие умные.

И они терпят. Приходит соседка баба Тая и просит написать письмо. Я пишу. Она диктует, волнуясь, и вдруг, наклонившись, шепотом спрашивает: «А не знаешь, куда Танечка учиться пойдет?» На листе вместо точки — запятая. Танечка — это внучка, которая выросла на бабушкиных блинчиках до предвзрослого возраста. Я также тихонько спрашиваю: «А Танечка не говорит разве?» На что баба Тая, укоряя, всплескивает руками: «Разве у Танечки время есть? Прибежит, убежит. Некогда. А что спросишь, так она: не твоё, говорит, дело. Да и правда, не мое. Я и не лезу, устаёт она очень».

Я чувствую себя уличной. Дети и внуки для нее — святое, и что бы я ни думала, поднимать руку на это не имею права. И я молчу. Улыбаюсь ежедневно, без выходных, когда старушка, живущая непо-

волею судьбы я оказалась свидетелем такого случая: в больнице бунтовал старик. Каждое утро было пыткой для всего отделения. Почти неподвижный, он не подпускал сестру со шприцем, пока ему не подавали стакан с водой и зубную щетку. Врачи посмеивались, санитарки переругивались, а старик иссохшей рукой потирал палкой, беззвучно проклиная свою жену, умершую раньше его. Потом, обессилив, опускался на подушки, повторяя: «Как вы можете, я и в окопах утром умывался». Это казалось отчасти смешным, отчасти злым — старик, а с претензиями. Но однажды, узнав, как меня зовут, он, поймав мою руку, остановил, прошептал: «Слушай. Ее тоже звали Ольгой. И я умывался. Я — человек». И, волнуясь, стал читать свои бесконечные белые стихи, перескакивая через строчки и повторяясь. Он читал о ней, а я еще долго вспоминала: «Я — человек». Это единственное, несмотря на все приложенные старания, у него не смогли отобрать. Это то, что уйдет только вместе с ним.

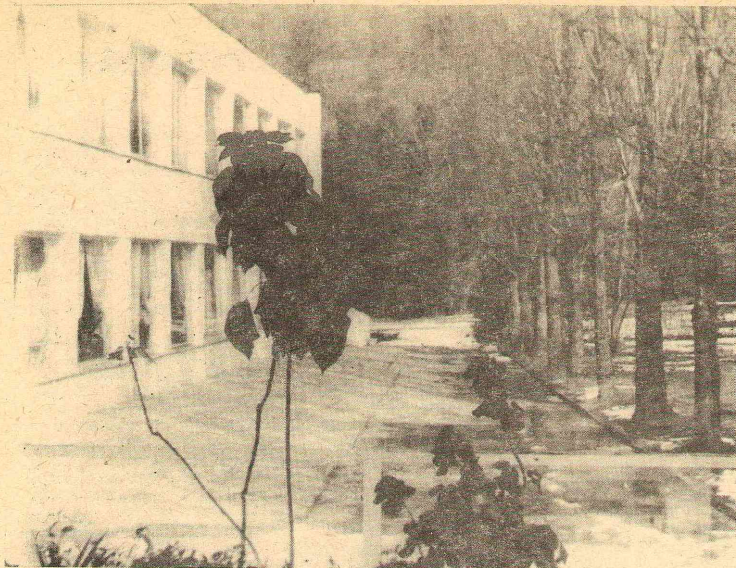
Мы — люди, но каждый из нас — человек? Когда столько потеряно, пережито и выстрадано, тело иссушено и выболело, остается только душа — ранимая и принимающая. И в ней — терпение и вера. В ней —

в чем утешивала непосредственно, но помню, как собирала игрушки и карандаши, помню деньги, на которые купили шерсть на 6 пар варежек, помню тепло худеньких детских плечиков, когда ездил в мальшопскую группу делать массаж. Конечно, во всяком живом деле со временем приживаются и традиционные, к сожалению, паразитирующие оргкомитеты, оргкомиссии и другие всевозможные «орги». Но и живое дело было. А прочувшись в институте почти год, я ни разу не слышала о подобных, даже разовых акциях. Есть ли у нас люди, для которых милосердие — призвание? Если есть, то почему вы считаете, что вас не поймут и не услышат? А если нет? Давайте остановимся, пока мы молоды и полны сил. Иначе и перед нами болью встанет «почему?», когда мудрость и наши дети пройдут мимо нас.

О. ДЕМИНА,
1 курс физфака, слушатель журналистики на ФДПП.

Фото И. ЛАГУТИНА.

Редактор
А. И. КОЗЯКОВА

● СЛЕЗНОЕ ПИСЬМО

Ку-у-ушать хочется!

Взяться за перо меня заставила нужда. Нет сил, граждане, стоять в километровой или всего лишь метровой очереди, давись от аппетитных запахов, глядя на мирно жующих соотечественников, и ждуть, когда же в мойке наконец-то вымоют тот стакан, который станет твоим! Помнится мне, что до повышения цен наша родная столовая тоже испытывала нужду в этих любимых моему сердцу стаканах, но как только цена на обед умопомрачительно подскочила, на столах, как по-

мановению волшебной палочки, появились долгожданные стаканы. И вот снова та же ситуация. Чего ждем?

Граждане, а разность, ведь слеза каплет, когда берешь их в руки! А какие они опасные существа! Тарелки с них расползаются, а стаканы, увя, падают. И вообще с ними происходит что-то странное... они куда-то исчезают. Были же раньше оранжевые, «человеческие», а теперь появились какие-то «недоноски» из отходов производства, и тех становится все меньше и

меньше.

Я все понимаю: и тяжелое экономическое положение, и позавчерашние протухшие салаты, и кофе, который нельзя спокойно пить, если ты себя хоть чуть-чуть уважаешь, и длинные очереди, простоявшие из-за нехватки стаканов, и грязные столы, и разность — я все понимаю.

Но так и хочется заволпить во всю моченку: «Ну накормите меня по-человечески — и я все прощу!»

Г. ВАЛЕРЬЕВА.